

Глава 6. Разрыв уз

Старейшина Фусун тяжело смотрел на юношу. Разумеется, он не собирался верить первому встречному на слово, но техника Мо Шестнадцати и его нефритовая подвеска были неоспоримыми уликами. Да и само присутствие стража в подобном месте выглядело более чем странно.

Старейшина перевел взгляд на перепуганных смертных. Как мастер стадии Великого Вознесения, он сразу заметил остаточную энергию меча в ране на плече юнца, стонавшего на земле. Видел он и то, как сжались от ужаса супруги Ли...

Сомнений не оставалось: адепт Дивного края Хуами действительно поднял руку на этих простых людей.

Однако, что бы здесь ни произошло, Фусун прежде всего оставался старейшиной, чья жизнь была посвящена процветанию школы. Его долгом было защищать честь и интересы своей обители. При всей своей приверженности догмам, он понимал: нельзя чинить суд над своим учеником на глазах у посторонних. Это стало бы несмываемым пятном на репутации Дивного края Хуами.

— Вероятно, здесь закралось какое-то досадное недоразумение, — заговорил он нарочито спокойным тоном. — Прошу тебя, юный друг, остынь. Я заберу этого человека в школу для сурового дознания. Если наши люди в чем-то провинились перед тобой, мы не оставим это без внимания и накажем виновных по всей строгости.

Для старейшины первой бессмертной школы, достигшего столь небывалых высот в совершенствовании, подобный тон в разговоре с юнцом на стадии Создания основ был даже более чем снисходительным. Окажись на месте Фусуна представитель любой другой школы, он бы и слова не вымолвил — просто ушел, не считаясь ни с кем. А в худшем случае — стер бы Мо Сюня и этих троих смертных с лица земли, дабы замять постыдное дело. У сильных мира сего редко хватает терпения искать истину, а понятие справедливости для них часто ограничивается собственной выгодой.

В мире заклинателей испокон веков правил закон силы. Смертные, обделенные талантом к развитию и живущие едва ли сотню лет, в глазах заклинателей всегда оставались лишь песчинками под ногами — никчемными букашками. Пусть праведные школы и не были столь кровожадны, как демонические заклинатели, но истинным состраданием к слабым они тоже не отличались.

Впрочем, мягкость Фусуна объяснялась не только его характером. Была и другая причина: лицо Мо Сюня. Не зря Мо Чжиянь так неистово желал его изуродовать — этот лик служил лучшим доказательством его кровного родства с госпожой Циньхуа.

В прошлой жизни, во время Пира в море персиковых цветов, когда все школы собрались вместе, настал час триумфа для избранников Небес, возвращенных в лучших кланах. Но стоило

Мо Сюню явиться туда, как он затмил собой всех. Пусть на нем была лишь поношенная одежда, а в руках — простейший деревянный меч, он притягивал взгляды, словно магнит. Многие тогда в оцепенении думали, что видят перед собой ту самую, блистательную и несравненную фею Циньхуа в пору ее расцвета. Это лицо породило столько слухов вокруг Мо Чжияня, что даже вмешательство Бессмертного владыки Хуаюя не смогло заставить людей замолчать.

Старейшина Фусун когда-то был обязан госпоже Циньхуа, и теперь, видя перед собой юношу, так похожего на нее, он невольно преисполнился к нему симпатии. В том «сценарии», который должен был стать жизнью Мо Сюня, именно Фусун нашел бы его в городе Юнь и, пораженный его талантом, забрал бы в школу вместе с Сердцем лотоса, тем самым разоблачив самозванца.

Казалось бы, зная будущее, Мо Сюнь должен был следовать этому пути. В его руках всё еще оставалась нефритовая подвеска с иероглифом «Мо», которую он сохранил с младенчества. Стоило лишь показать её, и его право на достойную жизнь было бы доказано. В этот раз, без ложного долга жизни перед семьей Ли и без мнимой вины за смерть родителей, у Мо Чжияня не осталось бы шансов. Его родной отец, возможно, не стал бы так слепо принимать сторону Мо Чжияня.

По всем законам судьбы, он должен был вернуться в объятия родителей и, купаясь в их любви и ресурсах школы, взойти на вершину мира заклинателей.

Но Мо Сюнь не собирался этого делать. Он не хотел возвращаться в Дивный край Хуами.

Пусть это была величайшая школа, пусть там ждали его настоящие отец и мать — ему было всё равно. Он не желал снова погружаться в болото интриг, тратя силы на борьбу с Мо Чжиянем за крохи родительской любви. Это было глупо, утомительно и совершенно бессмысленно. Мир огромен, и Небеса дали ему шанс на перерождение не для того, чтобы он растратил его на жалкие дрызги.

Господин Гу сказал, что Дитя Небесного Дао полезен для небес. А что это значит? Это значит — искоренять несправедливость, спасать невинных, помогать живым существам... Но уж точно не запереться в четырех стенах, борясь за внимание владыки Хуаюя.

В той жизни, что осталась позади, Бессмертный владыка действительно был его отцом, но его холодность, предвзятость и причиненная боль тоже были настоящими. Мо Сюнь когда-то до дрожи в сердце мечтал встретиться с родными, но всё закончилось прахом. Он сполна испил эту чашу. Хватит.

«Он мне больше не нужен»

Мо Сюнь задумчиво коснулся узоров на рукояти меча. В его взгляде застыла бесконечная, черная глубина. Как он и сказал, когда обнажил клинок: его ведет только жажда мести. Стать сильнее и воздать всем по заслугам. Остальное — суета.

Предложение Фусуна его тоже не прельщало. Стоило старейшине забрать Мо Шестнадцать в школу, как тот либо замолчал бы навеки, «случайно» погибнув в пути, либо нашел бы способ покончить с собой. К тому же...

Прежде чем кто-то успел осознать происходящее, Мо Сюнь неуловимым движением провернул кисть. Черная тень мелькнула в воздухе — и с лица пленника была сорвана человеческая кожа.

Нижняя челюсть Мо Шестнадцати была вывихнута, из горла вырвался лишь хриплый стон боли. По лбу, там, где лезвие оставило надрезы, заструилась кровь. Подобные маски крепились намертво, и снять их без особого секрета, не изувечив лицо, было невозможно. Но Мо Сюнь за годы скитаний в прошлой жизни выучил сотни способов выживания и маскировки. Он знал, как сдирать такие личины, пусть и ценой нескольких ран на коже врага.

Фусун замер, его губы дрогнули. Он узнал этого человека. Теперь он точно знал, чьим именно стражем был Мо Шестнадцать.

Мо Сюнь опустил взгляд. Если позволить Фусуну забрать пленника сейчас, его приемные родители и брат никогда не узнают правды. Родители попрекали его, а брат — ненавидел. Что ж, пусть теперь посмотрят своими глазами, кто на самом деле желал им смерти. Пусть увидят, из какого смрадного логова выползли эти интриги.

Их пытались убить не кто-то чужой, а их собственный плоть и кровь — родной брат Ли Чжунчэна. Мо Чжиянь не оставил бы их в живых, даже если бы Мо Сюня здесь не было. Они были его позором, живым доказательством его низкого происхождения. Тот, кто так отчаянно цеплялся за свое положение Дитя Небесного Дао, сделает всё, чтобы стереть их из этого мира, выжигая само воспоминание о своем рождении в нищей лачуге. Для Мо Чжияня семья Ли была лишь грязным пятном на безупречных одеждах.

— Старейшина, вы узнали его? — негромко спросил Мо Сюнь.

На лбу Фусуна выступила испарина:

— Я...

— Это Мо Шестнадцать, — отчеканил юноша. — Личный страж молодого господина Мо Чжияня из вашей школы. Я ведь не ошибся?

Зрачки Мо Шестнадцати сузились. Со сломанной челюстью он не мог вымолвить ни слова, а лезвие у горла мешало даже пошевелиться. Но в его взгляде читался неподдельный ужас. Откуда этот деревенский парень знает его имя? Откуда знает о жетонах и масках?

Фусун смотрел на юношу с нескрываемым подозрением:

— Откуда тебе известны такие подробности?

— Вам нужно лишь ответить: прав я или нет.

Скрывать очевидное было бессмысленно, а Фусун не умел лгать. С мрачным видом старейшина кивнул.

— В таком случае, — произнес Мо Сюнь, — забирайте его и судите сами.

Старейшина опешил. Юноша так просто его отпускает? Куда делась та неистовая решимость стоять до конца? Впрочем, для Фусуна это был лучший выход. Не теряя ни секунды, он подхватил пленника и исчез, словно его и не было.

Мо Сюнь смотрел им вслед. Он сорвал маску лишь для того, чтобы Фусун увидел лицо виновного. А позволил забрать его потому, что семье Ли не стоило слышать лишнего. Он собирался оставить Мо Чжияню «подарок», но не хотел, чтобы Дивный край Хуами узнал о нем самом слишком рано.

Во дворе остались только трое из семьи Ли. Ли Чжунчэн, не смеявший и пикнуть в присутствии великого мастера, наконец взорвался:

— Зачем ты егопустил?! Ты видел, он же хотел нас прирезать! — он вдруг прищурился. — Ты что, с ними заодно?

Супруги Ли всполохнулись:

— Чжунчэн, что ты такое несешь?

— А что я не так сказал?! — не унимался младший брат. — Он сам притянул этих людей, а потом отпустил... К тому же, он назвал его Мо Шестнадцать. — Он словно нащупал слабое место, его лицо покраснелось от возбуждения. — «Мо»? Твоя фамилия? Значит, он...

Мо Сюнь молча взирал на него. В этом крике он слышал эхо всех тех дней и ночей, что прожил с ними.

«Ты всего лишь приемыш в нашем доме. Мои родители подобрали тебя, дали жизнь. Ты должен по гроб жизни быть нам благодарен, понимаешь?»

«Ты — приемыш, и твой долг — оплачивать мою учебу».

«Как ты смеешь со мной спорить? Ты должен мне во всем потакать, ведь наша семья оказала

тебе великую милость...»

Великую милость? Спустя столько лет эта «милость» истончилась, превратившись в прозрачную шелуху. На деле же именно Мо Сюнь на своих плечах тащил весь дом. Чем старше становился Ли Чжунчэн, тем сильнее он боялся потерять власть над братом, панически опасаясь, что тот когда-нибудь возвысится над ним. Он жадно искал любой повод, любую зацепку, чтобы заставить Мо Сюня и дальше покорно склонять голову. И сейчас, найдя, как ему казалось, неоспоримую улику, юноша едва не светился от восторга.

Мо Сюнь ощутил смертельную усталость. Раньше он не понимал, почему брат так жесток. Он считал, что слова Ли Чжунчэна, хоть и ранят, но справедливы. Пока не увидел в прошлой жизни, как этот самый человек выкопал останки их родителей и выставил их на всеобщее обозрение в зале Сяохэ. Кости были еще в земле, жалкие и хрупкие — и всё лишь для того, чтобы заставить Мо Сюня замолчать от стыда и признать вину.

Ли Чжунчэн тогда вопил, что Мо Сюнь бросил младшего брата ради богатства. Неважно, что к тому времени тот был уже взрослым мужчиной. Неважно, что, уходя, Мо Сюнь обеспечил его будущее. Брат кричал, что это его дом, и гнал его прочь. Когда же Мо Сюнь однажды вернулся, он не узнал Ли Чжунчэна. Без родителей и не умея заработать на хлеб, тот превратился в обтянутый кожей скелет, подбирающий очистки на рынке.

Мо Сюнь вспомнил, что младший не хотел его видеть, но он всё равно помнил о связи того с семьей дяди. Тогда он продал свои духовные сокровища и передал им деньги. Там было целых десять тысяч золотых. Опасаясь человеческой алчности, он отдал семье дяди лишь три тысячи, а остальное оставил самому Ли Чжунчэну. Этой суммы хватило бы на безбедную жизнь в мире смертных.

Мо Сюнь заговорил, и его голос был подобен утреннему туману в лесу:

— Тот человек не имел ко мне никакого отношения. Но он имеет отношение к тебе. Мо Чжиянь — твой родной брат.

Ли Чжунчэн застыл, его глаза округлились:

— Что?

— У тебя когда-то был брат. Восемнадцать лет назад некто пришел в город Юнь и нашел твоих родителей...

Восемнадцать лет назад бушевала война богов и демонов. Госпожа Циньхуа родила ребенка прямо на поле битвы, едва не испустив дух. Пока владыка Хуаюй был в отлучке, враги похитили младенца и подкинули его в дом этих бедняков. Они ненавидели род Мо, но не могли отомстить им открыто. Поэтому они решили погубить их наследника, отправив его в нищету, чтобы он вырос безграмотным пахарем, а его родители сходили с ума от горя. Враг даже прямо

признался супругам, что похитил ребенка из мести его роду, надеясь, что горечь утраты превратится в ненависть к подкидышу.

Но чета Ли, хоть и была бедна, оказалась неглупой. Подобранный младенец был слишком хорош собой: в год он уже ясно говорил, а в пять — обычной веткой мог побить любого деревенского охотника. Было ясно, что он — не из простых. Такие семьи не забывают о пропавших детях. Понимая, что их собственный сын теперь, скорее всего, живет во дворце, супруги Ли из чувства вины старались быть добрыми к Мо Сюню.

Ли Чжунчэн судорожно вздохнул, пытаясь отогнать правду:

— Ложь! Если он мой брат, сын моих отца и матери, зачем ему убивать нас?

— Потому что он не хочет быть твоим братом, — безучастно отозвался Мо Сюнь. — Он хочет быть молодым господином рода Мо.

У Ли Чжунчэна всё-таки были мозги, и он мгновенно осознал смысл этих слов.

— Не может быть! — выкрикнул он, хотя в глубине души уже поверил. Какая еще причина могла заставить богатого наследника из далекой школы охотиться на нищих крестьян? К тому же, он слишком хорошо знал Мо Сюня. Тот никогда не опускался до лжи.

Если бы это была вина Мо Сюня, он бы не стал оправдываться — просто признал бы ошибку и попытался загладить её. Раз он сказал так, значит, это истина.

Ли Чжунчэна пробрал холод при мысли о таком брате. И в то же время он ощутил острую досаду: он потерял последний рычаг давления на Мо Сюня. Он ведь надеялся силой забрать у него Изыщную траву.

Супруги Ли стояли как громом пораженные. Узнать, что родной сын желал им смерти — такая рана не заживет никогда. В их глазах застыла беспросветная печаль.

Мо Сюнь вытер лезвие меча и убрал его в ножны. Последний раз окинув взглядом эти три убогие комнаты, он развернулся, чтобы уйти.

Ли Чжунчэн опомнился и вскрикнул:

— Брат? Уже стемнело, куда ты?

Родители тоже подняли на него заплаканные лица. Мо Сюнь замер.

— Ты ведь каждый день твердил мне, что я тебе не брат. Теперь, когда нашелся твой настоящий брат, мне пора уходить.

— Ты уходишь?! — Ли Чжунчэн опешил.

— Не просто уйду. С этого дня мы чужие люди, — Мо Сюнь смотрел на него сверху вниз. — Вы растили меня восемнадцать лет. Первые семь лет я зависел от вашей заботы, но последующие одиннадцать — сам содержал этот дом. Я ничего вам не должен. Отныне у нас нет ничего общего.

Старики Ли растерянно пробормотали:

— Сяо Сюнь...

Мо Сюнь остался непоколебим. Благодарность, о которой кричат на каждом углу, быстро теряет свой вес. Привязанность — товар исчерпаемый, и младший брат давно растратил её всю до последней капли. Когда Мо Сюнь очнулся в горах на сырой траве, его сердце окончательно превратилось в лед. Назад дороги не было.

Ли Чжунчэн запаниковал:

— Но как же...

Мо Сюнь уже зашагал прочь. Он и представить не мог, что всё так обернется. Еще утром всё было как обычно, а теперь... Даже если он уходит, он же не сказал, где Изящная трава! А как же дом? Деньги на лекарства родителям, расходы на еду, его плата за обучение в следующем году... Кто будет за всё это платить, если Мо Сюнь уйдет?

— И ты просто так их оставишь? — послышался в голове голос Гу Суйчжи, полный недоумения.

«Старший?» — Мо Сюнь мысленно нахмурился. — «Я не лгал. Я действительно им ничего не должен».

— Ты думаешь, меня это волнует? — Гу Суйчжи не выдержал. — Ты уйдешь сейчас, и эти люди будут до конца дней считать тебя неблагодарной тварью. И любая беда, что с ними случится, в их глазах будет на твоей совести. Тебе правда всё равно?

«Всё равно».

— Что значит — всё равно?!

Не успел Гу Суйчжи договорить, как сзади раздался истошный вопль Ли Чжунчэна:

— Ты не имеешь права! Если ты уйдешь, что будет с отцом и матерью? Что будет со мной?! Остановись, паршивец! Мы кормили тебя столько лет... Ах ты, неблагодарный щенок!

Гу Суйчжи аж задохнулся от ярости:

— Ах ты ж мелкий гаденыш... Ну и характер у меня...

Мо Сюнь давно привык к выходкам брата и просто не обращал на них внимания:

«Долг выплачен, обиды прощены. Узы разорваны. Что с ними станет — больше не моя забота».

— Я сказал — нет! — рявкнул Гу Суйчжи. — Ты должен ему ответить! Если ты сейчас промолчишь и уйдешь, я тебе устрою такую жизнь, что ты пожалеешь, что вообще на свет родился!

Мо Сюнь: «...»

— Не умеешь ругаться? Тогда подвинься, я сам! — нетерпеливо бросил Гу Суйчжи.

Мо Сюнь почувствовал, как пальцы, сжимающие ножны, едва заметно дрогнули.

«Не понял?» — в голосе Гу Суйчжи скользнула опасная сталь. — «Одолжи мне свое тело на пару минут. Я выскажу этому сопляку всё, что думаю, и верну. Я в жизни не терпел такого хамства. Чем больше я об этом думаю, тем сильнее у меня чешутся руки. Уйди в тень, дай мне разобраться».

Мо Сюнь медленно разжал пальцы. Его ресницы дрогнули. Станный холод начал медленно разливаться по его телу, проникая в самую глубину существа...

***

Ли Чжунчэн рыдал так, будто настал конец света. Он выкрикивал проклятия вслед уходящему брату, не выбирая выражений. Старики Ли застыли на месте, не в силах унять сына. Юноша был в полном отчаянии, не зная, как удержать кормильца.

Внезапно перед ним мелькнула фигура. Он поднял глаза и увидел, что Мо Сюнь вернулся. Ли Чжунчэн не успел обрадоваться, как почувствовал: что-то не так.

Мо Сюнь всегда был молчалив и сдержан. Он двигался быстро и четко, вечно натянутый как

струна под грузом домашних забот. Он напоминал бамбук, гнущийся под ветром, но сохраняющий свою стойкость.

Но нынешний Мо Сюнь... Он словно разом... расслабился? Словно тетива лука, натянутая до предела, внезапно лопнула, оставив лишь пустоту.

Поза его стала небрежной, на красивом лице заиграла улыбка, а черные глаза сузились, скрывая лукавый блеск. В этой мягкой, почти ласковой усмешке было нечто такое, от чего мороз пробежал по коже.

Мо Сюнь окинул двор ленивым взглядом, подтащил единственный стул, небрежно смахнул с него пыль и уселся. Это была старая, хромая табуретка, которую дядя когда-то отдал им за ненадобностью. Но под ним она словно превратилась в величественный трон, усыпанный драгоценными камнями. Даже воздух вокруг стал тяжелым, давящим на плечи.

Юноша закинул ногу на ногу, подпер голову рукой и посмотрел на Ли Чжунчэна с нескрываемым, скучающим презрением. Его губы приоткрылись:

— Ну что, щенок? Садись. Нам нужно серьезно поговорить.

<http://bllate.org/book/15862/1432221>